

УДК 93/94

DOI 10.46698/VNC.2023.77.76.001

И.Т. Цориева

Инга Тотразовна Цориева

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева – филиал Владикавказского научного центра РАН, ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук, Владикавказ, Россия. E-mail: tsorin@mail.ru

Исторические контексты исследовательского интереса к Нартовскому эпосу осетин с конца XVIII века по настоящее время

Аннотация. В статье, приуроченной к объявленному в 2023 г. Году осетинской Нартиады в РСО-А, проводится ретроспективный анализ формировавшихся в течение более полутора веков взаимосвязей, разных по интенсивности и качеству, между исследовательской активностью в изучении героических нарттовских сказаний осетин и общественно-политической канвой времени. Сложившаяся в ходе подготовки и написания статьи общая оценка взаимосвязей опирается на документальные источники, свидетельства очевидцев событий, энтузиастов из среды национальной интеллигенции и мнения авторитетных ученых-кавказоведов.

Ключевые слова: Год осетинской «Нартиады», Нартовский эпос, героические сказания осетин, нартведение.

Inga T. Tsorieva

V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of VSC RAS, Department of History, Leading Researcher, Dr., e-mail: tsorin@mail.ru

Historical contexts of research interest in the Ossetian Nart epos from the end of the XVIII century up to the present time.

Abstract. The article, timed to coincide with the Year of the Ossetian «Nartiada» in North Ossetia-Alania announced in 2023, provides a retrospective analysis of the relationships that have been formed over a century and a half, varying in intensity and quality, between the research activity in studying the heroic Nart legends of Ossetians and the socio-political canvas of the time. The general assessment of the interrelations developed during the preparation of the article is based on documentary sources, eyewitness accounts of the events, enthusiasts from among the national intelligentsia and the opinions of authoritative Caucasian scholars.

Keywords: Year of the Ossetian «Nartiada», Nart epos, Ossetian heroic tales, Nart studies.

Год культурного наследия народов России, прошедший в 2022 г., обозначил новую веху культурной политики государства, в основе которой – курс на системную суверенизацию. Ее составной частью является актуализация проблем национальных культур в общественной жизни страны. В Северной Осетии по Указу Главы республики от 12 января 2023 г. текущий год объявлен Годом осетинской Нартиады. Данный факт служит обоснованием актуальности рассмотрения исторических аспектов исследовательского интереса к нарттовскому эпосу с конца XVIII в. по настоящее время. При этом наше представление об эпосе связано с тем большим объемом отложившихся в архивах материалов, публикаций фольклорных текстов, научной литературы и, наряду с тем, околонучной и конъюнктурной публицистики, который составляет среду существования Нартиады. Естественно, разнохарактерность и качественная контрастность сложившегося массива материалов требуют компетентного участия историографов двух столетий сложной жизни народов. Поскольку без этого трудно объяснить сложную динамику интереса к нарттовскому эпосу за почти два века его научного статуса.

Так что же и какие обстоятельства определяли в прошлом и диктуют сегодня наличие фаз повышенного интереса и дефицита внимания к нарттовскому эпосу, в том числе в его чувствительных для всех нас сферах?

Хронологически появление первых упоминаний об эпосе за пределами традиционного бытования датируется концом XVIII – началом XIX в. Это время активного экспедиционного освоения Кавказа. Военные успехи и благоприятные для России условия Кючук-Кайнарджийского договора после окончания русско-турецкой войны 1768–1774 гг. не гарантировали от соперничества с Турцией и Персией и их дальнейших притязаний на стратегически важный регион. Поэтому Россия приступила к строительству Кавказской линии по рекам Кубани, Малке и Терек, предназначенной для охраны южных рубежей империи. Одновременно во взаимодействии с местным населением формировалась база для обеспечения русских войск тягловой силой, фуражом, продуктами и пр.

Важной частью дальнейших планов закрепления на Кавказе было установление непосредственных внехозяйственных контактов с коренными на-

родами. Это время можно обозначить как *период экспедиционного изучения Кавказа*, в рамках которого в небольшие смешанные группы, занимавшиеся сбором материалов военно-прикладного характера, входили люди, подобные Левеганту Штедеру и Юлиусу Клапроту. Именно они обнаружили у осетин «героические саги», героев («рыцарей»), которых «горцы воспевают в своих песнях» [1, с. 109–110].

Штедер, будучи поручиком Генерального штаба, в 1781 г. был командирован в горные районы Центрального Кавказа для сбора географических и военно-топографических данных для изучения возможности строительства дороги через Главный Кавказский хребет. Целью отправки Клапрота Петербургской академией наук на Кавказ в 1807 г. было исследование края в языковом, историческом, культурном и экономическом отношении. Инициатором его поездки Ян Потоцкий писал: «Надо, чтобы Кавказ был лучше изучен после путешествия господина Клапрота, чем это было до него», при этом *«любопытное должно всегда уступать полезному»* [2, с. 182].

Итак, Штедеру и Клапроту принадлежит заслуга, так сказать, «открытия» для «просвещенной Европы», частью которой с конца XVIII в. стала и Российская империя, факта существования героических сказаний у кавказских народов. Но в это время эпические сказания, зафиксированные у осетин, еще не стали предметом научного осмысления. Интерес к сказаниям как культурному феномену, как средству познания менталитета, психологии кавказских народов только формировался.

В 1843 г. академик А.М. Шегрен писал: «Я теперь приступил к собиранию легенд о Нартах; быть может, они пояснят историю осетин и их соседей» [3, с. 60]. Этот посыл был совершенно созвучен настроениям, которые рождались на фоне кровопролитных событий Кавказской войны, на которую в середине 1850-х гг. уходила одна шестая государственного бюджета Российской империи [4, с. 146].

В военных и дипломатических кругах складывалось осознание невозможности «замирить» кавказские народы «исключительно одним оружием». Не навязывать кавказским народам противных их «нравам и обычаям законов, которых никто не понимает и не принимает», не прибегать к насилию в общении с ними призывали представители различных слоев русского общества, которые непосредственно становились участниками и очевидцами событий на Кавказе. Петербург требовал от горских обществ безоговорочной капитуляции, в то время как многие «ветераны-кавказцы» из офицерства (полковник Хан-Гирей, адмирал Л.М. Серебряков) рекомендовали «тонко разработанные проекты компромиссов» [4, с. 23, 27, 156].

В современной историографии существует мнение о том, что «Кавказская война была не случайно выиграна не в жестокое и воинственное николаевское время, а в эпоху “оттепели” Александра II, в то

самое время, когда в России готовились и начались Великие либеральные реформы. Изменение общественного и политического климата в стране сопровождалось более гибкой политикой на Кавказе, что вместе с мощным и последовательным давлением стало приносить свои плоды...» [4, с. 314]. Такое мнение представляется обоснованным лишь при учете военно-политических обстоятельств, приведших к поражению в Крымской войне 1853–1856 гг.

Скажем кратко: после поражения в Крымской войне Петербург стал более чутко прислушиваться к тем, кто призывал к «замирению» на Кавказе. Поэтому завершение Кавказской войны и приоритет доктрины сосуществования с народами Северного Кавказа придали новый импульс интересу к знаниям специфики их общественного устройства, культуры, быта, психологии.

В итоге во второй половине XIX в. традиционная культура кавказских народов оказалась в фокусе практического интереса российского правительства в регионе. *Познание ради управления* провозглашалось главным принципом мирного сосуществования метрополии с национальной окраиной. Представители русской науки и культуры, а вслед за ними пока еще немногочисленные кадры национальной интеллигенции активно вовлекались в изучение истории, языка, археологии Северного Кавказа. Растущий исследовательский интерес вызывало устное народное творчество, особенно привлекали героические сказания [5, с. 137].

В 1926 г. начинающий лингвист и культуролог В.И. Абаев писал об этом времени как *«периоде научной интервенции»*, образно одушевив его следующим образом: «Солдат, купец, ученый – таков порядок победного нашествия культурной, империалистической нации в страну отсталых и слабых народов» [6, с. 17]. В этом «порядке» основным участником был русский ученый, который вошел во взаимодействие с местными энтузиастами краеведения, дал импульс развитию интереса к созданию «групп поддержки» среди представителей кавказских народов. Другими словами, от Клапрота и Шегрена эстафета передавалась членам Петербургской академии наук А. Шифнеру, В. Миллеру и сотоварищам, которые вовлекали в круг исследователей Нартиады представители национальной интеллигенции.

Первые связанные издания текстов осетинских сказаний в записи Василия Цораева, подготовленные Шифнером, состоялись в 1863 и 1867 гг. на французском языке в Бюллетене Императорской академии наук. В 1868 г. вместе с другими фольклорными материалами эти тексты на осетинском языке с параллельным переводом на русский язык и с комментариями Шифнера напечатаны в «Записках Академии наук» под названием «Осетинские тексты, собранные Дан. Чонкадзе и Вас. Цораевым».

Публикации привлекли внимание не только российского научного сообщества, но и вызвали повы-

шенный интерес местных любителей этнографии и фольклора. Среди них – подлинны исследователи-энтузиасты, собиратели и пропагандисты народного творчества Джантемир и Гацир Шанаевы, чей бескорыстный и плодотворный труд был отмечен последователями. В 1945 г. Абаев уже как исследователь нартовского эпоса писал: «Не оценивая, быть может, в полной мере значение проводимой ими работы, руководимые не столько научными соображениями, сколько инстинктивным сознанием важности и ценности фиксации того, что творит народ, они сделали большое дело – дали нам наиболее ранние записи популярнейших сюжетов нартовского эпоса» [7, с. 12].

Таким образом, благодаря естественно растущему интересу к эпосу формировалось новое направление в кавказоведении. В нем отдельного упоминания заслуживает академик В.Ф. Миллер. Трехчастные «Осетинские этюды», изданные ученым в 1880-е гг. [8], явились подлинным открытием осетинских героических сказаний. Они положили начало важному этапу в освоении богатейшего культурного наследия кавказских народов и привлекли внимание западных ученых. В 1887 г. тексты нартовских сказаний из первой части «Осетинских этюдов» на немецком языке были опубликованы лингвистом Х. Хюбшманном. Русско-немецкий ученый-кавказовед А. Дирр включил несколько переводов сказаний в изданные им в 1920-е гг. на немецком и английском языках «Кавказские сказки». Литературной обработкой сказаний занимался В. Икскуль. О большом интересе к эпосу свидетельствует то, что даже во время Первой мировой войны венгерский ученый Б. Мункачи записывал от осетин в лагерях для военнопленных фольклорные тексты. Книга «Blüten der ossetischen Volksdichtung» («Цветы осетинской народной поэзии») была издана в 1932 г. в Будапеште. Яркие страницы в изучение Нартовского эпоса в 1920–1930-е гг. вписал известный французский мифолог и лингвист Жорж Дюмезиль. Его книга «Légendes sur les Nartes, suivies de cinq notes mythologiques» («Легенды о нартах, за которыми следуют пять мифологических заметок») далеко превзошла по объему и значению прежние публикации текстов эпоса в зарубежной печати. Она представляла собой французский перевод или резюме почти всех опубликованных до 1930 г. на русском языке или с русским переводом нартовских сказаний кавказских народов и являла собой первый опыт систематизации сказаний [9, с. 14–15].

В целом, несмотря на бурные военные и политические коллизии, потрясавшие Европу в первые десятилетия XX в., научные школы, исследовательские центры имели возможность продолжать работу на основе традиций преемственности.

Тем временем в России на рубеже веков влияние политического кризиса препятствовало динамичному развитию исследования Нартиады, но не заглушало интереса в узких кругах энтузиастов. Труды Миллера и его организационное участие

подвигали осетинскую интеллигенцию к изучению культуры своего народа. В 1902 г. с его переводом и примечаниями были изданы «Дигорские сказания по записям И. Собиева, К. Гарданова, С. Туккаева». В 1911 г. вышел сборник фольклорных произведений М. Туганова «Дигорон кадæнгитæ».

Этапным периодом качественного роста исследований осетинского эпоса явились годы работы Осетинского историко-филологического общества, созданного в 1919 г. во Владикавказе на фоне революционного подъема. Одной из главных целей Общества его основатели провозгласили пробуждение любви к родному прошлому и интереса к изучению памятников народного творчества [10, с. 96].

Оценить значение этого факта в истории осетиноведения, в частности нартоведения, можно при сопоставлении его с событийным фоном гражданской войны, оккупацией Владикавказа Добровольческой армией и отсутствием каких бы то ни было традиций уважения к гражданским инициативам. Очевидно, что «находились скептики, которые не могли понять, как можно в такой момент, когда великое революционное потрясение еще не улеглось, когда надо спасать просто свое физическое существование (голод, гражданская война) – как можно в такой момент заниматься вопросами филологии, археологии, фольклора и др.» [11, с. 146].

Тем не менее, не располагая никакими определенными материальными средствами, без серьезной общественной поддержки, члены Общества занимались разысканием, собиранием и охраной памятников осетинской старины, народной словесности, языка и др.

Таким образом, с созданием Осетинского историко-филологического общества в истории изучения осетинской Нартиады институционально завершился этап внешней «научной интервенции», а в 1923 г. с приданием Обществу статуса научного учреждения, подведомственного Главнауке РСФСР, закончились и десятилетия внесударственного, внебюджетного существования.

Новой страницей в нартоведении, пользуясь терминологией Абаева, стал период «культурного самообслуживания» горских народов [6, с. 17]. Хронологически он совпал со становлением новой советской культуры в 1920–1930-е гг., когда изучению фольклора народов СССР, прежде всего эпического наследия, придается особое социально-политическое значение. Определяя характеристики этих двух десятилетий в нартоведении по уровню интереса к ним, следует отметить, что 1920-е гг. стали периодом перехода от самостоятельного творчества в рамках краеведения к работе в научных центрах на плановой основе. По сути, с точки зрения организационно-кадровых показателей проводилась *коренизация нартоведческих исследований*. При этом Нартиада, наряду с научными и культурными целями, стала выполнять и политико-идеологические функции. В свою очередь 1930-е гг. следует определить как время развития научного

нартоведения в сочетании с кадровой и методологической переориентацией в духе классовой целесообразности. Основой изучения исторического и культурного наследия в национальных окраинах теперь становился принцип *«понять, чтобы преобразовать»*. Цели понимания были обусловлены форсированной советской модернизацией, которая требовала героев, способных реализовать задачи социалистического переустройства общества, воспитания «нового человека», готового к самоотречению во имя достижения высоких идеалов социализма. Накануне Великой Отечественной войны такой прикладной подход к эпическому наследию усилился в связи с потребностью и возможностью использования его потенциала в пропагандистских целях [12, с. 111–112].

Запрос времени способствовал интенсификации сбора и публикации текстов нартовских сказаний. В 1925, 1927–1929, 1941 гг. в Северной Осетии благодаря трудам членов Историко-филологического общества, а затем научных сотрудников Осетинского НИИ краеведения (Ц. Амбалова, М. Гарданова, Г. Дзагурова, К. Казбекова и др.) были изданы пять выпусков «Памятников народного творчества осетин». В 1929–1930 гг. вышли в свет три выпуска «Памятников Юго-Осетинского фольклора» на осетинском языке.

Показателем повышенного интереса к нартовскому эпосу в предвоенные годы явилась всесоюзная дискуссия о роли фольклора в развитии национальных культур. В ходе нее в Северной Осетии 4 ноября 1940 г. бюро обкома ВКП(б) и СНК СО АССР приняли постановление о создании Республиканского нартовского комитета во главе с председателем СНК республики для сбора, обработки и подготовки к изданию нартовских сказаний [13, л. 9]. Нартовский комитет с соответствующими функциями был создан и в Южной Осетии. Половина состава комитетов была представлена сотрудниками партийно-советских органов власти автономий. Однако настоящая научно-исследовательская работа велась на базе Научно-исследовательских институтов Северной и Южной Осетии. Они объединили работу ведущих ученых, писателей, сотрудничавших с созданными в районах комитетами по организации сбора сказаний. Местным органам власти предписывалось оказывать им всяческое содействие [5, с. 141].

Результатом объединенных усилий ученых и общественности стал большой объем собранного фольклорного материала. В 1942 г. в Сталинире были опубликованы нартовские сказания в стихотворном переложении на языке оригинала в грузинской графике. В Северной Осетии было отобрано 150 а. л. для научного издания. Был составлен также сводный том литературно обработанных сказаний (30 а. л.), который увидел свет в 1946 г. в иллюстрациях А.-Г. Хохова. Спустя два года он был напечатан уже в русском переводе Ю. Либединского и с иллюстрациями М. Туганова. Вплоть до на-

чала 2000-х гг. его осетинский и русский варианты издавались многократно.

Однако в контексте нашей темы необходимо признать, что в послевоенное десятилетие наблюдалось смещение политических и научных акцентов в оценке культурного наследия народов СССР. Поэтому нартовская тематика несколько уступила региональным задачам складывания нового мироустройства в условиях лидерства СССР среди «стран социалистического лагеря». Как писал 26 мая 1952 г. Туганов, работая над картиной «Пир нартов», «сейчас здесь не сезон на “нартов”, их стали бояться здесь, как и “скифов”, “сарматов” и “аланов»» [14, л. 26].

Лишь с середины 1950-х гг. в советской государственной культурной политике наблюдается новый разворот в отношении культур «малых народов» СССР в условиях «оттепели» в общественной жизни страны и реабилитации репрессированных народов. В развитии нартоведения тех лет важную роль сыграли решения Всесоюзных совещаний по вопросам изучения и публикации эпоса народов СССР (июнь 1954 г., ноябрь 1958 г.) и совещания по нартоведению (октябрь 1956 г.) в Орджоникидзе. В издательский план академической серии «Эпос народов СССР» была включена публикация текстов осетинского эпоса [15, с. 7–10].

Этапным рубежом очередной политико-идеологической корректировки отношения власти к эпосам народов СССР стали 1960–1980-е гг. согласно планам дальнейшего социалистического строительства и создания новой исторической общности «советский народ». Девизом, смягчающим для национальных культур последствия корректировки, стало утверждение *«единства в многообразии»*. В научном плане это обеспечило реализацию утвержденного Редакционно-издательским советом АН СССР проекта академического двуязычного издания осетинского героического эпоса в 3 книгах на исходе советской эпохи.

Резкий спад изыскательской активности в нартоведении стал одним из последствий распада СССР в 1991 г. Острый кризис во всех сферах общественной жизни страны критически ослабил сложившиеся связи между центральными и региональными научными учреждениями и школами. Но интерес к эпическому наследию не был утерян. Напротив, на рубеже XX–XXI вв. значительно выросла общественная значимость этнической и культурной идентичности. Активизировался поиск эпических корней. Зачастую вне научной сферы он имел негативные, политически конъюнктурные последствия. Поэтому очевидной стала задача качественно нового периода осмысления роли и места Нартовского эпоса в региональном культурном пространстве.

Результатом работы осетинских нартоведов явилась реализация в 2003–2012 гг. масштабного проекта научного издания осетинского эпоса в 7 томах под редакцией Т. Хамицаевой и Ш. Джикаева. На сегодняшний день труд оценивается специали-

стами как наиболее полное научное издание выявленных текстов сказаний эпоса на русском и осетинском языках. Он служит серьезным источником для научных изысканий в области древней истории и культуры осетин, подтверждает высокий уровень квалификации нартоведов, отчасти нейтрализует последствия конъюнктурных интерпретаций Нартиады.

Обозревая совокупный объем проведенных в осетинском нартоведении работ по теме за прошедшие годы нового столетия, есть основание, на наш взгляд, полагать, что велась *содержательная семантическая реконструкция* эпических сказаний вне идеологических ограничений, шло научное закрепление места и роли Нартиады в культуре Осетии. Анализировались образы и мотивы осетинского эпоса, проводилась его сравнительно-историческая характеристика с мифопоэтическим наследием других народов [16–22]. Исследовались духовные, этические и эстетические идеалы эпоса [23–27], рассматривались вопросы эпической этимологии и ономастики [28–30].

В научной литературе дискутировались вопросы локализации и генезиса ядра, прослеживались мифологические параллели Нартиады с эпическим творчеством народов Евразии, восходящим к скифам, а через них к иранским и индоиранским древностям, эпическому пространству Европы [31–35]. Объектом внимания являлись археографические, историографические, этнокультурные аспекты темы [5, 9, 15, 36, 37, 38].

Благодаря значительному оживлению международных научных контактов осетинских нартоведов с коллегами с начала XXI в. изучение Нартиады в зарубежной историографии получило дополнительную поддержку. Работы С. Литтлтона, Л. Малкор, Г. Риды [39, 40, 41] развивали тему общности культур народов индоиранского происхождения, создавали базу для расширения программ научного обмена между школами нартоведов. Их организационной основой стали нартоведческие форумы в региональных научно-исследовательских центрах. Один из них – «Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации» – является с 2011 г. постоянно действующей исследовательской и

дискуссионной площадкой на базе Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. Форум работает над преодолением сегментации научного пространства северокавказского региона, развитием конструктивного диалога и сотрудничества нартоведов. В условиях государственной стратегии обеспечения культурного суверенитета России ее важнейшей задачей становится обеспечение преемственности профессиональных исследователей эпического наследия и повышение их квалификации. В настоящее время можно констатировать, что осетинское нартоведение преодолело кризис «переходного возраста», то есть освободилось от идеологических догм и выдержало давление квазинаучного дилетантизма и прожектерства.

В целом, обзор всей истории изучения нартовских сказаний осетин с описанием исторического фона позволяет определить в ней несколько периодов исследовательского интереса разной интенсивности. В контексте нашей темы они могут служить культурным маркером состояния государства и общества, показателем их стабильности или уровня кризисного состояния. Начальный период обращения к эпосу связан с интересами Российской империи в освоении Северного Кавказа и созданием основ сосуществования с его народами, в том числе в форме «культурной экспансии». Следующий период развития нартоведения, пережившего спад в начале XX в., определен советской исторической практикой. Активность исследовательского интереса в этот период находится, на наш взгляд, в прямой зависимости от двух этапов социальной модернизации многонационального общества. Ключевой задачей первого этапа (1920–1950-е гг.) являлось формирование нового «советского человека». На втором этапе (1960–1980-е гг.) планировалось создание наднациональной общности «советский народ». Наконец, можно отметить отдельный постсоветский период, в который после спада государственного интереса к эпосу в 1990-е гг. и возрождения национального запроса в начале 2000-х гг. сегодня возвращается традиция сотрудничества власти и научного сообщества в утверждении роли и места Нартиады в национальной культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Штедер Л. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 году. – Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2016. 368 с.
2. Кокеев Г.А. Осетины в начале XIX века по наблюдениям путешественника Ю. Клапрота // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института, 1948. Т. 12. С. 179–191.
3. Шефрен А. Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников при разных случаях // Осетинские исследования. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1998. С. 40–68.
4. Гордин Я. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. – СПб.: Журнал «Звезда», 2000. 465 с.
5. Цориева И.Т. Осетинская Нартиада. К истории записи и издания героического эпоса // Этнографическое обозрение, 2019. № 3. С. 137–149.
6. Абаев В.И. Краеведение у горских народов // Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения, 1926. Вып. 2. С. 17–20.
7. Абаев В.И. Нартовский эпос. Оттиск из «Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института», 1945. Т. 10. Вып. 1. 119 с.
8. Миллер В. Осетинские этюды. В 3-х частях. Репринтное издание. – Владикавказ, 1992. 714 с.
9. Гостиева Л.К. Зарубежные переводы осетинского нартовского эпоса // Вестник Владикавказского научного центра РАН. 2019. Т.19. № 3. С. 13–19.
10. Осетиноведение – от прошлого к будущему. – Владикавказ, 2011. 223 с.
11. Хроника. Отчеты о деятельности Осетинского историко-филологического общества за все время его суще-

- ствования (28 апреля 1919 – 1 марта 1925 г) // Известия СОИГСИ, 2007. Вып. 1 (40). С. 146–192.
12. Цориева И.Т. Нартовский эпос в исследованиях Северо-Осетинского научно-исследовательского института (1940-е–1980-е гг.) // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2013. Вып. 2. С. 111–126.
13. ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 3. Д. 626.
14. НА СОИГСИ. Ф. Абаева В.И. Оп. 1. Д. 54.
15. Алиева А.И. Издание национальных версий нартского эпоса в двуязычной академической серии «Эпос народов Европы и Азии» // Нартоведение в XXI веке: Современные парадигмы и интерпретации, 2012. Вып. 1. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, С. 6–20.
16. Сокаева Д.В. Миф о сотворении пива – птица на дереве (нартовский эпос, волшебная сказка, обрядовая песня) // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С. 129–136.
17. Канукова З.В. Символы и образы нартовского эпоса в современных социальных и культурных практиках // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015. Вып. 3. С. 8–15.
18. Дарчиев А.В. О некоторых аспектах образа Дзерассы в осетинской Нартиаде // Вестник Томского государственного университета, 2019. № 447. С. 132–138.
19. Рахно К.Ю. Похолодание в нартовском эпосе осетин и Авесте // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2019. Вып. 5. С. 249–259.
20. Салбиев Т.К. Общеиранское ядро осетинской эпической традиции (драконоборческий сюжет) // Известия СОИГСИ. 2019. № 34 (73) С. 126–138.
21. Айларова С.А. Образ нартовского фандыра в пространстве православно-теурического творчества К.Л. Хетагурова // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2019. Вып. 5. С. 249–259.
22. Дарчиева М.В. Образ оленя (саг, хъуаз/гъæуанз) в осетинской Нартиаде // Известия СОИГСИ, 2020. № 38(77). С. 139–154.
23. Батагова Т.Э. Нартиада как культурная матрица осетинской академической музыки // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ ВНЦ РАН, 2012. С. 284–294.
24. Дзлиева Д.М. Лексема Фандыр в нартовском эпосе осетин // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017. Вып. 4. С. 108–111.
25. Кусаева З.К. Цыкурайы фардыг (чудесная бусина) и «магический кристалл» А.А. Пушкина // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017. Вып. 4. С. 124–133.
26. Мамиева И.В. Мир нартов в художественной литературе // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ ВНЦ РАН, 2012. С. 304–318.
27. Хадикова А.Х. Гуманизм и эмпатия в нартовском эпосе // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2019. Вып. 5. С. 224–234.
28. Бесолова Е.Б., Морзоева Л.Б. О семантике культурных знаков в Нартиаде // Вопросы литературы и фольклор, 2018. Вып. 10-2. С. 32–49.
29. Гутиева Э.Т. Теонимы в нартовском эпосе // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2019. Вып. 5. С. 144–157.
30. Таказов Ф.М. Архетип образа Урузмага в нартовском эпосе осетин // Вестник Северо-Восточного университета им. М. К. Аммосова. Серия: Эпосоведение, 2020. № 1(17). С. 50–60.
31. Дзицойты Ю.А. Нартовский эпос и Амирани. – Цхинвал: Ирystон, 2003. 225 с.
32. Туаллагов А.А. Меч и фандыр. Артуриана и Нартовский эпос осетин. – Владикавказ: Ир, 2011. 271 с.
33. Хадикова А.Х. О мифологических истоках и ареальных связях осетинской Нартиады // Известия СОИГСИ. 2017. №24 (63). С. 185–192.
34. Чибиров Л.А. Осетинская Нартиада. Мифологические истоки и ареальные связи. – Владикавказ: Ир, 2016. 463 с.
35. Чибиров А.Л. К вопросу об осетино-балкаро-карачаевских нартовских параллелях // Известия СОИГСИ, 2018. Вып. 27(66). С. 161–173.
36. Цаллагова З.Б. Этнопедагогический потенциал нартовского эпоса // Культурное наследие народов Кавказа. – М., СПб.: ООО «Нестор-История», 2014. С. 180–194.
37. Цориева И.Т. Художник Махарбек Туанов – иллюстратор нартовского эпоса // Известия СОИГСИ, 2016. № 22 (61). С. 172–184.
38. Гостиева Л.К. Из истории издания осетинского нартовского эпоса в 1950–2010-е гг. // Вестник Владикавказского научного центра, 2020. Вып. 20. № 3. С.22–30.
39. Литлтон К. Скотт, Малкор Линда А. От Скифии до Камелота. – М.: Издательство «Менеджер», 2007. 488 с.
40. Рид Г. Артур – король драконов. Варварские истоки величайшей легенды Британии. – М.: Издательство «Менеджер», 2006. 66 с.
41. Тадевосян Т.В. Семантические параллели фольклорных архетипов. Русские былины и осетинский нартовский эпос. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2013. 146 с.

REFERENCES

1. Shteder L. Dnevnik puteshestviya iz pograničnoj kreposti Mozdok vo vnutrennie mestnosti Kavkaza, predprinyatogo v 1781 godu. – Vladikavkaz: SOIGSI VNCz RAN, 2016. 368 s.
2. Kokiev G.A. Osetiny' v nachale XIX veka po nablyudeniya puteshestvennika Yu. Klaprota // Izvestiya Severo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta, 1948. T. 12. S. 179–191.
3. Shgren A. Religiozny'e obryady' osetin, ingushej i ix soplemennikov pri razny'x sluchayax // Osetinskie issledovaniya. – Vladikavkaz: Izd-vo SOGU, 1998. S. 40–68.
4. Gordin Ya. Kavkaz: zemlya i krov'. Rossiya v Kavkazskoj vojne XIX veka. – SPb.: Zhurnal «Zvezda», 2000. 465 s.
5. Czorieva I.T. Osetinskaya Nartiada. K istorii zapisi i izdaniya geroicheskogo e'posa // E'tnograficheskoe obozrenie, 2019. № 3. S. 137–149.
6. Abaev V.I. Kraevedenie u gorskix narodov // Izvestiya Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kraevedeniya, 1926. Vy'p. 2. S. 17–20.
7. Abaev V.I. Nartovskij e'pos. Ottisk iz «Izvestiya Severo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta». 1945. T. 10. Vy'p. 1. 119 s.
8. Miller V. Osetinskie e'tyudy'. V 3-x chastyax. Reprintnoe izdanie. – Vladikavkaz, 1992. 714 s.
9. Gostieva L.K. Zarubezhny'e perevody' osetinskogo nartovskogo e'posa // Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo centra RAN, 2019. T.19. № 3. S. 13–19.
10. Osetinovedenie – ot proshlogo k budushhemu. – Vladikavkaz, 2011. 223 s.
11. Xronika. Otchet' o deyatel'nosti Osetinskogo istoriko-filologicheskogo obshhestva za vse vremya ego

- sushhestvovaniya (28 aprelya 1919 – 1 marta 1925 g) // Izvestiya SOIGSI, 2007. Vy'p. 1 (40). S. 146–192.
12. Czorieva I.T. Nartovskij e'pos v issledovaniyax Severo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta (1940-e – 1980-e gg.) // Nartovedenie v XXI veke: sovremennyye paradigmy i interpretacii. – Vladikavkaz: IPCz SOIGSI VNCz RAN i RSO-A, 2013. Vy'p. 2. S. 111–126.
13. GANI RSO-A. F. 1. Op. 3. D. 626.
14. NA SOIGSI. F. Abaeva V.I. Op. 1. D. 54.
15. Alieva A.I. Izdanie nacional'ny'x versij nartskogo e'posa v dvuyazy'chnoj akademicheskoy serii «E'pos narodov Evropy i Azii» // Nartovedenie v XXI veke: Sovremennyye paradigmy i interpretacii, 2012. Vy'p. 1. – Vladikavkaz: IPO SOIGSI, S. 6–20.
16. Sokaeva D.V. Mif o sotvorenii piva – pticza na dereve (nartovskij e'pos, volshebnyaya skazka, obryadovaya pesnya) // Nartovedenie v XXI veke: sovremennyye paradigmy i interpretacii. – Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2012. S. 129–136.
17. Kanukova Z.V. Simvol'ny' i obrazy' nartovskogo e'posa v sovremenny'x social'ny'x i kul'turny'x praktikax // Nartovedenie v XXI veke: sovremennyye paradigmy i interpretacii. – Vladikavkaz: IPCz SOIGSI VNCz RAN i RSO-A, 2015. Vy'p. 3. S. 8–15.
18. Darchiev A.V. O nekotory'x aspektax obraza Dzerassy v osetinskoj Nartiade // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2019. № 447. S. 132–138.
19. Raxno K.Yu. Poxolodanie v nartovskom e'pose osetin i Aveste // Nartovedenie v XXI veke: sovremennyye paradigmy i interpretacii. – Vladikavkaz: SOIGSI VNCz RAN, 2019. Vy'p. 5. S. 249–259.
20. Salbiev T.K. Obsheiranskoe yadro osetinskoj e'picheskoj tradicii (drakonoborcheskij syuzhet) // Izvestiya SOIGSI, 2019. № 34 (73) S. 126–138.
21. Ajlarova S.A. Obraz nartovskogo fandy'ra v prostranstve pravoslavno-teurgicheskogo tvorчества K.L. Xetagurova // Nartovedenie v XXI veke: sovremennyye paradigmy i interpretacii. – Vladikavkaz: SOIGSI VNCz RAN, 2019. Vy'p. 5. S. 249–259.
22. Darchieva M.V. Obraz olenya (sag, x'`uaz/ g'`æuanz) v osetinskoj Nartiade // Izvestiya SOIGSI, 2020. № 38(77). S. 139–154.
23. Batagova T.E. Nartiada kak kul'turnaya matricza osetinskoj akademicheskoy muzy'ki // Nartovedenie v XXI veke: sovremennyye paradigmy i interpretacii. – Vladikavkaz: IPO SOIGSI VNCz RAN, 2012. S. 284–294.
24. Dzljeva D.M. Leksema Fandy'r v nartovskom e'pose osetin // Nartovedenie v XXI veke: sovremennyye paradigmy i interpretacii. – Vladikavkaz: SOIGSI VNCz RAN, 2017. Vy'p. 4. S. 108–111.
25. Kusaeva Z.K. Cykurajy' fardy'g (chudesnaya busina) i «magicheskij kristall» A.A. Pushkina // Nartovedenie v XXI veke: sovremennyye paradigmy i interpretacii. – Vladikavkaz: SOIGSI VNCz RAN, 2017. Vy'p. 4. S. 124–133.
26. Mamieva I.V. Mir nartov v xudozhestvennoj literatury' // Nartovedenie v XXI veke: sovremennyye paradigmy i interpretacii. – Vladikavkaz: IPO SOIGSI VNCz RAN, 2012. S. 304–318.
27. Xadikova A.X. Gumanizm i e'mpatiya v nartovskom e'pose // Nartovedenie v XXI veke: sovremennyye paradigmy i interpretacii. – Vladikavkaz: SOIGSI VNCz RAN, 2019. Vy'p. 5. S. 224–234.
28. Besolova E.B., Morgoeva L.B. O semantike kul'turny'x znakov v Nartiade // Voprosy' literatury' i fol'klora, 2018. Vy'p. 10-2. S. 32–49.
29. Gutieva E.T. Teonimy' v nartovskom e'pose // Nartovedenie v XXI veke: sovremennyye paradigmy i interpretacii. – Vladikavkaz: SOIGSI VNCz RAN, 2019. Vy'p. 5. S. 144–157.
30. Takazov F.M. Arxetip obraza Uruzмага v nartovskom e'pose osetin // Vestnik Severo-Vostochnogo universiteta im. M. K. Ammosova. Seriya: E'posovedenie, 2020. № 1(17). S. 50–60.
31. Dziczczojti Yu.A. Nartovskij e'pos i Amirani. – Czxinval: Iry'ston, 2003. 225 c.
32. Tuallagov A.A. Mech i fandy'r. Arturiana i Nartovskij e'pos osetin. – Vladikavkaz: Ir, 2011. 271 c.
33. Xadikova A.X. O mifologicheskix istokax i areal'ny'x svyazyax osetinskoj Nartiady' // Izvestiya SOIGSI, 2017. № 24 (63). S. 185–192.
34. Chibirov L.A. Osetinskaya Nartiada. Mifologicheskie istoki i areal'ny'e svyazi. – Vladikavkaz: Ir, 2016. 463 c.
35. Chibirov A.L. K voprosu ob osetino-balkaro-karachaevskix nartovskix parallelyax // Izvestiya SOIGSI, 2018. Vy'p. 27(66). S. 161–173.
36. Czallagova Z.B. E'tnopedagogicheskij potencial nartskogo e'posa // Kul'turnoe nasledie narodov Kavkaza. – M., SPB.: OOO «Nestor-Istoriya», 2014. C. 180–194.
37. Czorieva I.T. Xudozhnik Maxarbek Tuganov – illyustrator nartovskogo e'posa // Izvestiya SOIGSI, 2016. № 22 (61). S. 172–184.
38. Gostieva L.K. Iz istorii izdaniya osetinskogo nartovskogo e'posa v 1950-2010-e gg. // Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo centra, 2020. Vy'p. 20. №. 3. S. 22–30.
39. Litlton K. Skott, Malkor Linda A. Ot Skifii do Kamelota. – M.: Izdatel'stvo «Menedzher», 2007. 488 s.
40. Rid G. Artur – korol' drakonov. Varvarskie istoki velichajshej legendy' Britanii. – M.: Izdatel'stvo «Menedzher», 2006. 66 s.
41. Tadevosyan T.V. Semanticheskie paralleli fol'klorny'x arxetipov. Russkie by'liny i osetinskij nartovskij e'pos. – Vladikavkaz: IPCz SOIGSI, 2013. 146 s.

